

УДК: 811.111'01:81'22:340.113

**К ИСТОКАМ СТАНОВЛЕНИЯ
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА
ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕМАСИОЛОГИИ.
ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗИРОВАННОЙ
ОБЛАСТИ**

С.Г. Проскурин, А.С. Райкова

Новосибирский государственный университет
E-mail: s.proskurin@mail.ru; a.s.raykova@mail.ru

Проскурин Сергей Геннадьевич, д-р филол. наук, профессор кафедры истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета.

E-mail: s.proskurin@mail.ru
Область научных интересов: семиотика и культурология, теория письменности.

Райкова Анастасия Сергеевна, аспирант кафедры истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, преподаватель Новосибирского государственного университета.

E-mail: a.s.raykova@mail.ru
Область научных интересов: германские языки, семиотика, культурология.

Описывается процесс становления сравнительно-исторического метода в семасиологии; рассматривается смещение акцента на изучение языка в тесной связи с культурой и историей носителей этого языка.

Ключевые слова:

Историческая семантика, сравнительно-исторический метод, концептуализированная область.

Наука о значениях слов – семасиология – сегодня привлекает к себе все большее внимание исследователей различных направлений. Термин «семасиология» был впервые употреблен немецким лингвистом Э. Рейзигом в первой половине XIX в. Однако несмотря на то, что с тех пор был накоплен огромный материал, демонстрирующий

различные способы изменения значений слов, и намечены основные принципы семасиологического исследования, семасиология является той областью языкознания, в которой остается много «белых пятен».

Скептическое отношение к семасиологическим проблемам на ранних этапах развития науки со стороны большинства лингвистов сменилось попытками разрешать эти самые проблемы с помощью методов, выработанных в других разделах языкознания.

Так, метод изучения языка «в самом себе и для себя», утвердившийся в лингвистике и применяемый в семиологии, вызвал в определенной мере отход от исследований связей языка и культуры и смещение акцента на изучение структуры языка. «Такое ограничение исследований языка только вопросами его структуры сменяется в последние два десятилетия принципом изучения языка как продукта человеческой культуры в тесной связи с этой культурой и на широком фоне истории носителей языка» [1. С. 459].

Наибольшую значимость получают работы по этносемантике и семиотике культуры, преследующие цель рассмотреть взаимосвязь языка с духовной культурой, с акцентом на этносемантическом анализе. Такой подход, характерный для многих современных исследований (Е. Benveniste, 1969; Т.В. Горопова, 1986; С.Г. Проскурин, 1990; Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин, 1993), предполагает «выход из замкнутой системы языка <...> в мир внеязыковых понятий с установлением определенных отношений между единицами этого плана и семантической структурой языка» [1. С. 458].

Возникновение этой проблемы в лингвистике и теории культуры, как правило, связывается с ранними стадиями оформления и развития сравнительно-исторического языкознания. Работа Я. Гримма «Geschichte der deutschen Sprache» (1853) содержит главы, которые по праву можно назвать одной из первых попыток синтеза идей сравнительно-исторического языкознания и семасиологических поисков в области словаря культуры [2. С. 680–691].

Однако эти попытки сталкивались с различными трудностями, причиной которых была общая неразработанность в то время семасиологии как науки. Ввиду того, что во второй поло-

вине XIX в. существенные проблемы и понятия семасиологии не получили еще какого-либо однозначного решения и определения и нередко толковались достаточно противоречиво, сама цель создания сравнительно-исторической семасиологии понималась по-разному. Этим объясняется и различие в определении методики и приемов сравнительно-исторического исследования в семасиологии.

В этот период возникают две направленности в исследовательских работах: школа «слов и вещей» и школа «ключевых терминов культуры».

Школа «слов и вещей» (Wörter und Sachen) возникла в Германии в начале XX в. и видоизмененная существует до наших дней. В науке с этим течением возникает интерес к конкретной лексике – наименованиям объектов материальной культуры: предметов труда, оружия, кораблей, млекопитающих, насекомых, рыб, исследование которых было невозможно без сопоставления с внеязыковым «миром вещей» – данными истории, археологии – и с информацией, касающейся соответствующих областей знаний. К. Файс отмечает, что «эти работы порой напоминают маленькие словари» с исчерпывающей информацией по теме и «в большинстве случаев представляют собой сокровищницу для этимологов» [3. С. 4] (ср. W. Klump, 1908; M. Keller, 1906; R. Jordan, 1903; J. Cortelyou, 1906; J. Köhler, 1906).

Одним из основателей школы был Р. Мерингер (R. Meringer). Опираясь на главный тезис этого лингвистического направления: не может быть языкознания без знания истории вещей, он требовал только обратного хода исследования при выявлении первоначального значения слова. Р. Мерингер подчеркивал, что первоначальное значение вообще может быть утерянным и должно быть реконструировано. Это подразумевало, что определение путей развития значения слова напрямую связано с историей «вещи», поэтому, по сути, направление развития у Р. Мерингера теряется в череде историй «вещей».

Метод семантических реконструкций Р. Мерингера в действительности не имеет в качестве основы каких-либо определенных рабочих приемов, а опирается на интуицию исследователя.

«Установление семантических связей между словами, так же как и реконструкции утерянных звеньев их смыслового развития, строится на общих соображениях возможности и логической допустимости <...> Р. Мерингер очень свободно переносит формы семантического развития, наблюдаемые в одном языке, на другой язык, совершенно не считаясь со спецификой смысловой структуры конкретных языков. В методе Р. Мерингера наличествуют внутренние противоречия, которые делают очевидным неполноценность этого метода» [4. С. 301].

Р. Мерингер проводит параллель между семантическим и фонетическим развитием: в фонетике одно качество звука переходит в другое, аналогично происходит и со значением слова в семасиологии. Очевидно, Р. Мерингер не принимает во внимание тот факт, что, как правило, новое значение слова не вытесняет старого, а «встает рядом с ним, способствуя усложнению и обогащению смысловой структуры слова» [4. С. 301]. Кроме того, существенным недостатком метода Р. Мерингера является то обстоятельство, что он считал возможным строить реконструкции без учета конкретных исторических факторов.

В свою очередь, Гуго Шухардт, также строивший свои изыскания на теоретических положениях лингвистического направления «слов и вещей», акцентировал внимание на смысловой стороне слов при установлении связей между ними в этимологических исследованиях. Г. Шухардт утверждал, что эта связь должна устанавливаться исходя из семантической близости в двух измерениях – в глубину и в ширину.

«В пределах определенных диалектов, – писал он, – мы должны выявить и сопоставить слова с тождественной внутренней структурой и одинаковой историей их употребления. Из всех родственных языков мы должны собрать выражения для одинаковых понятий. И тогда мы обнаружим либо формальные совпадения, которые остаются неучтенными при чисто историко-фонетическом рассмотрении, либо параллельные развития понятий, либо наоборот, – их расхождение. Если в последнем случае исследование этимологии само по себе ничего не дает, то все же дальнейшее изучение будет опираться на добытые нами негативные результаты» [5. С. 389].

Г. Шухардт верил в то, что чем больше будет собрано языкового материала, тем легче будет проследить историю слова (так называемая «массовая стратегия» Г. Шухардта). В массе собранного языкового материала всегда можно будет найти языковые факты, которые помогут

установить направление смыслового развития слова. Опираясь на подобного рода принципы, Г. Шухардт написал монографию относительно этимона фр. *trouver: turbare* («*Etymologische Probleme und Prinzipien*», 1912), содержащую большой фактический материал о «вещах и их именах».

Однако исследователь был вынужден на практике опираться на те же фонетические законы, со слепой механичностью которых он боролся, чтобы затем выявить смысловые связи между словами и в массе собранного, нередко противоречивого, материала установить основной путь их семантического развития.

Некоторые мысли Г. Шухардта были подхвачены Лео Шпитцером, стремившимся в своих исследованиях по семантике определить *Stilsprachen* (но не *Sprachstil*) и выявить тем самым влияние на язык или ряд языков «стиля», таких вышедших за национальные пределы и сохраняющих свою силу с глубокой древности до наших дней культурно-исторических явлений, как христианская цивилизация, греко-римская культура или юдаизм.

Л. Шпитцер считает, что именно в семантике можно лучше всего проследить изменения, вызванные культурным развитием. «Можно с полным основанием утверждать, что значение есть наиболее конкретный аспект слова <...> Довольно характерным является то обстоятельство, – пишет он, – что абстрактные результаты механического компаративизма оказываются для профессиональных лингвистов более привлекательными, чем конкретные данные семантического компаративизма, который имеет дело не с оболочкой языка, но с его содержанием» [6. С. 2].

Несмотря на это, понимание Шпитцером целей и методов сравнительно-исторической семасиологии весьма своеобразно. «Я понимаю под исторической семантикой трактовку определенных значений, принимаемых конкретными словами под влиянием “стиля” определенных цивилизаций» [6. С. 1].

Такого рода исследование можно проводить двумя путями: можно взять за основу слово и изучить его изменения под влиянием «культурных стилизаций» (такой семасиологический путь Л. Шпитцер использует для изучения выражений *Muttersprache*, *mother tongue* и т. д.), или же сделать отправной точкой понятие и выявить многообразие его выражения словами (ономазиологический путь, применяемый Л. Шпитцером с *Word Harmony*).

Независимо от выбранного пути исследования, Л. Шпитцер занимается не формами развития семантической стороны определенного языка, а выявлением следов «культурных стилизаций», которые, по его убеждению, носят вненациональный характер.

«Я старался, – пишет Л. Шпитцер, – сохранить в своей компаративистской работе “массовую стратегию” Г. Шухардта, отказавшись от его натуралистического и диалектологического подхода. История той или иной идеи становится мною в тесную связь с историей соответствующего слова – это дает возможность на примерах употребления соответствующих слов продемонстрировать использование и влияние этой идеи на различных исторических этапах ее существования» [6. С. 5].

Таким образом, действительным содержанием сравнительно-исторических исследований Л. Шпитцера является не язык и его смысловая сторона, а «стиль» цивилизации.

В кардинально ином направлении лежат исследования в области исторической семантики, осуществляемые Карлом Санденом в его работе «*A new etymological group of Germanic verbs and their derivatives: a study on semantics*» [7]. В изложенных здесь принципах сравнительно-исторического исследования не только учтены прежние попытки, используются реальные достижения семасиологии, но и смысловая сторона слов ставится (практически впервые) в равное положение с фонетикой.

Материалом исследования является группа этимологически связанных слов, принадлежащих к различным германским языкам и диалектам. В отличие от предыдущих способов гипотетического восстановления первичного значения, К. Санден не просто делает попытки разработать достаточно убедительные методы реконструкции первоначального значения, но и старается выявить критерии определения правильности результатов. Преследуя эту цель, он показывает, как можно объяснить происхождение зафиксированных значений сопоставляемых слов, опираясь на реконструированное первичное значение.

В работе К. Сандена исследуется группа германских глаголов с основой *nut-*. Предварительное рассмотрение материала словарей по этой группе слов позволило выделить два основных значения, представленных в диалектном норвежском слове *nuta*: «засунуть морду в корм, не едя его» и в диалектном датском *nuta* «заниматься ерундой, совать нос повсюду». В этимологических словарях германских языков приводится также группа слов с основным значением «ловить, хватать», восходящих к основе *nut-*: гот. *nuta* «ловец, рыбак», слабые глаголы: др.-англ. *notian* «использовать, получать удовольствие», нем. *nützen*, шв. *nyttja* и т. д., и с другой формой аблаута: др.-англ. *nēotan* «использовать, получать удовольствие», нем. *geniessen*, шв. *njuta* и т. д. – все сильные глаголы. «Задача работы, – говорит К. Санден, – заключается в доказательстве существования германской основы *nut-*, обладающей иным значением, чем значение "ловить, хватать"» [7. С. 24].

К. Санден разрешает эту задачу с помощью семантических средств, рассуждая следующим образом: «Если нам необходимо определить первичное значение основы *nut-*, мы должны иметь в виду, что, несмотря на семантические расхождения, норв. *nuta* и дат. *nuta* этимологически, очевидно, являются одним и тем же словом. В общегерманском не было другой основы *nut-*, кроме той, которая имела значение "ловить, хватать". Поскольку это так, постольку оказывается возможным предполагать, что семантический ареал норвежского глагола, применяющегося к животным, ближе к первичному значению, чем семантический ареал датского слова, применяемого к человеку. В первом случае мы сталкиваемся со значением "совать нос", точнее "совать нос в корм, не едя его". Во втором случае – со значением "заниматься ерундой" и "быть тугим на работу". Первые значения представляются более близкими к первичному, чем последующие два, ввиду того, что они включают деятельность: "вдыхать (воздух), чтобы обнюхать", или "нюхать путем втягивания (воздуха)". Это значение хорошо согласуется со значением, засвидетельствованным в среднеангл. *nytel*, т. е. "совать нос повсюду, шнырять в поисках чего-либо" (в переносном значении), и со значением "шарить (*stöbern*)", наличествующим в швейцарско-немецком *poderen*. Но "нюхать путем втягивания (воздуха)" не может быть первичным значением. Не следует забывать того, что существует целый ряд глаголов с основой *nut-* и со значением "издавать звук" (о скрипящей двери, ржущем жеребенке, крякающей утке, чмокающем бекасе и человеке, произносящем неясные звуки). Учитывая общую тенденцию языка по возможности использовать имеющиеся лексические единицы для обозначения новых предметов, есть все основания предполагать, что эта основа *nut-* должна быть той же самой, что и основа *nut-*, имеющая значение "издавать нечленораздельные звуки". Следовательно, мы должны постулировать иное первичное значение, близкое к значению "вдыхать (воздух), чтобы обнюхать" или, точнее, просто "нюхать", которое в данном случае является, очевидно, более ранним. Таким значением является "дышать с шумом"» [7. С. 116–117].

Потенциальные недостатки своего метода К. Санден пытается предупредить посредством дополнительной проверки произведенных семантических реконструкций. Потому он обращается к другой общегерманской основе *pus-*, обладавшей, предположительно, тождественным первичным значением и схожим семантическим развитием: «Мы имели дело с двумя германскими глагольными основами, фонетический облик которых различается только конечными согласными, чье первичное значение было одинаковым, а производные от которых обнаруживают вследствие этого поразительную гармонию в семантическом развитии» [7. С. 118].

Таким образом, К. Санден в своей работе сделал попытку создать общую методику сравнительно-исторического исследования в области семантики, опираясь уже на конкретный лингвистический материал.

Школа «ключевых терминов культуры» – широкое течение в современных европейских лингвокультурных исследованиях, начавшееся с изучения «понятийных полей» Й. Трира на древнегерманском материале в 30-е гг. XX в. Й. Трир пишет: «Для понимания отдельного словесного знака необходимо наличие всего его *поля*, он понимается в совокупности наличного поля. Он "означает" только в этой совокупности и только в силу ее наличия. Вне поля вообще не может существовать значения» [8. С. 5].

В подобной концепции язык представляется «промежуточным миром» (*Zwischenwelt*), стоящим между субъектом и объектом, обладающими своими независимыми законами развития. Таким образом, язык рассматривается как орудие, которое формирует для человеческого

мышления реальную действительность. «Лексика, грамматика и синтаксис данного языка не просто отражение культуры людей, пользующихся данным языком, – поясняет Г. Базилиус. – Они образуют эту культуру в процессе своего функционирования, раскрывая понятия, верования и ценности культуры» [9. С. 99].

Так как предметом исследования Й. Трира явились абстрактные слова – ключевые термины культуры, то определение их значения сводилось к операциям над существующими понятиями [10. С. 319–320]. Вследствие того, что понимание абстрактных слов, как правило, не связано с «объектным пониманием» значения, исследование абстрактной лексики выдвинуло на первый план их контекстуальный анализ (G. Juzi, 1939; E. Leisi, 1959; W. Kühlwein, 1967; H. Schabram, 1970).

На наш взгляд, существенным является и то, что в своей работе Й. Трир предпринял попытку отказаться от одностороннего движения Язык → Культура, установив более тесные аналогии между ними. В соответствии с выдвинутым им так называемым «эргологическим принципом» необходимо при исследовании учитывать род человеческой деятельности, к которому относится понятие. В связи с таким подходом производится поиск ситуации коллективного труда в древнем обществе (ср. Mannring – «круг людей»), на основании которой истолковывается становление значений целого комплекса слов, реальная связь которых, тем не менее, признается далеко не всеми исследователями [11. С. 35].

Однако одними из наиболее значимых попыток изучения вопроса о семантических реконструкциях, на наш взгляд, являются работы Э. Бенвениста.

Э. Бенвенист полагает, что решение вопроса о семантических реконструкциях с помощью методов, применяемых в сравнительно-историческом языкознании, следует начинать с установления принципиально важного положения: могут ли две идентичные по своим формам или сравнению морфемы быть отождествлены по своим значениям, и если могут, то каким образом. «Едиственный принцип», который Э. Бенвенист при этом использует, состоит в том, что это «значение» лингвистической формы должно определяться совокупностью ее употреблений, распределением этих употреблений и обусловленными ими типами связей. При наличии идентичных по форме морфем, обладающих различными значениями, следует выяснить, существуют или существовали ли употребления, где эти два значения восстанавливают свое единство. Ответ может быть найден лишь посредством изучения соответствующих контекстов.

Так, Э. Бенвенист обращается к случаю, когда омонимы имеют общее происхождение и только позднее разошлись: фр. voler – «красть» и voler – «летать»; оба слова от vol. На этом примере Э. Бенвенист показывает способы определения первичного и производного значения. «Существование этих двух глаголов не должно, однако, вызывать у лингвиста желания совместить их в маловероятном единстве» [12. С. 333].

От voler – «летать» имеется ряд производных: voleter – «порхать», s'envoler – «улетать», volatile – «летучий», volaille – «домашняя птица» и т. д., в то время как глагол в значении «красть» дает лишь одно производное – voleur – «вор». Это обстоятельство позволяет заключить, что voler – «красть» происходит от какого-то специфического употребления первого глагола – «летать». «Условием такого употребления явился бы такой контекст, где первый глагол, "летать", мог бы быть употреблен в переходной конструкции. Такой контекст действительно обнаруживается в языке – и одновременно в ритуале – соколиной охоты: le faucon vole la perdrix букв. "сокол летит куропатку", т. е. "сокол {летит и ловит} куропатку". Таким образом, сказали бы мы теперь, перед нами контекст, текст, ритуал, концептуализированная область, где понятия "лететь" и "хватать, похищать" совмещаются, синонимизируются, а соответствующая лексема, voler, расщепляется на две – voler "лететь" и voler "похищать, красть"» [13. С. 69].

Рассмотренный случай имеет особую значимость для понимания дальнейшего хода наших рассуждений. Обратимся к еще одному интересному примеру.

В древнейшем юридическом памятнике – Законах XII таблиц – присутствует формула ius ducere, которую обычно переводят «вести на судоговорение». От значения «вести» глагол ducere эволюционировал в сторону более абстрактного, более общего понятия «судить». Идея перехода «тащить» в «судить» – запутанная идея. Но очень устойчивая. Так русское слово «тяжба» связано изначально с синонимичным глаголом «тянуть». Он этимологически связан с ducere [14. С. 12].

Латинская формула *ducere* связана с готским глаголом *tiuhan* (нем. *Ziehen*) «тянуть». «Готский глагол широко употребителен, причем с многочисленными приставками, которые дифференцируют способы действия: "тянуть", "увлекать за собой", "приводить" ... Уже на основе сопоставления готской и латинской форм мы можем определить исходное значение глагола *duco* как "тянуть"» [15. С. 114–115].

На наш взгляд, эти два случая: фр. *voler* «лететь» → «хватать, похищать» и лат. *ducere* «тянуть» → «вести» → «судить» (рус. «тянуть» → «тяжба») – олицетворяют аналогичные процессы, свойственные концептуализированной области.

Уже эти два примера доказывают, что метод изучения языка «в самом себе и для себя», ранее применяемый в семасиологии, несовершенен, т. к. не может в полной мере объяснить подобные семантические процессы.

Мы считаем справедливым суждение Д. Буссе, автора труда «*Historische Semantik*» [16], что первоочередной задачей исторической семантики является трансформация ее объекта – переход от «истории понятий» (*Begriffsgeschichte*) к «истории изменения форм общественного сознания» (*Bewusstseingsgeschichte*). И наиболее целесообразно использование данного принципа анализа в «переломные», «межевые» периоды, когда сталкиваются две системы идей, доктрин и т. д.

Сказанное предполагает рассмотрение лексической семантики в диахронии как отражение исторически обусловленного коллективного опыта носителей языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и прокультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Т. 1, 2. – 525 с.
2. Grimm J. *Geschichte der deutschen Sprache*. – Leipzig: S. Hirzel, 1853. – 726 S.
3. Faiss K. «Gnade» bei Cynewulf und seine Kontexte in der altenglischen «Genesis» // *Linguistics*. – 1970. – № 56. – S. 5–30.
4. Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 321 с.
5. Schuchardt H. *Etymologische Probleme und Prinzipien* // *Zeitschrift für romanische Philologie*. – 1902. – V. 26. – S. 385–427.
6. Spitzer L. *Essays in historical semantics*. – N.Y.: S.F. Vanni, 1948. – 316 p.
7. Sundén K.F. *A new etymological group of Germanic verbs and their derivatives: a study on semantics*. – Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag, 1943. – 250 p.
8. Trier J. *Der deutschen Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*. – Heidelberg: Carl Winter, 1931. – Bd. I. – 347 S.
9. Basilius H. *Neo-Humboldtian Ethnolinguistics* // *Word*. – 1952. – V. 8. – № 2. – S. 95–105.
10. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология (Виды семантических определений в современной лексикологии) // *Языковая номинация. Общие вопросы*. – М.: Наука, 1977. – С. 294–358.
11. Проскурин С.Г. Семиотика индоевропейской культуры: Учебник. 2-е изд. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 234 с.
12. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской духовной культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
14. Проскурин С.Г. Эволюция права в семиотическом аспекте // *Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право*. – 2008. – Т. 4. – № 2. – С. 11–18.
15. Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
16. Busse D. *Historische Semantik. Analyse eines Programms*. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1987. – 334 S.

Поступила 04.11.2011 г.